

Заграничный Антон Игоревич**Zagranichny Anton Igorevich**

младший научный сотрудник
Саратовского национального исследовательского
государственного университета
им. Н.Г. Чернышевского

Junior Research Fellow,
Saratov State University

СИТУАТИВНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ [1]

THE SITUATIONAL AND WORLDVIEW FACTORS IN THE SOCIAL AND POLITICAL INVOLVEMENT OF THE YOUTH [1]

Аннотация:

Представлены результаты исследования факторов социально-политической активности молодежи. В рамках подхода к изучению взаимодействия личности и среды социальная активность как акт инициативного воздействия личности на социальную среду является актуальной проблемой социальной психологии. Описаны результаты исследования взаимосвязи ситуативных и мировоззренческих факторов социально-политической активности молодежи. На выборке 192 человека в возрасте 15–24 года с помощью анкеты для сбора социально-демографических данных респондентов, шкальной анкеты оценки уровня участия респондента в социальной активности и методики «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Булман в адаптации О. Кравцовой выявлены значимые для социально-политической активности мировоззренческие и ситуативные факторы: ситуативные – стабильность, организованность, позитивность; мировоззренческие – вера в доброту людей и вера в справедливость мира.

Ключевые слова:

молодежь, социальная активность, социально-политическая активность, мировоззренческие факторы, ситуативные факторы.

Summary:

The research examines the factors in the social and political involvement of the youth. In the context of the approach to analyzing the interaction between the personality and the environment, the social engagement as an act of the proactive impact of the personality on the social environment is an increasingly important area in social psychology. The author describes the research findings concerning the relationship between the situational and worldview factors in the field under review. Based on the social and demographic survey, the assessment scale of the respondents' social involvement and the Basic Assumptions Scale of R. Janoff-Bulman adopted by O. Kravtsova, the study reveals the significant situational (stability, organized and positive nature) and worldview factors (faith in kind people and faith in a just peace) in the social and political involvement in a sample of 192 people aged 15–24.

Keywords:

youth, social engagement, social and political involvement, worldview factors, situational factors.

Современная действительность ставит новые научные задачи для всех отраслей научного знания. Это связано с изменениями, происходящими в организации и структуре общества в целом вследствие макропроцессов. В психологической науке одним из наиболее актуальных направлений научного исследования становится изучение взаимодействия личности и социальной среды. Это связано с практической необходимостью в полной мере осмыслить, каким образом организуется обоюдное влияние личности и среды, в которой она существует. Необходимо понять, какие факторы влияют на организацию взаимодействия, какими значимыми характеристиками взаимодействие личности и социальной среды обладает, какие механизмы и особенности взаимодействия существуют. Это поможет разработать практические рекомендации по его организации, улучшению его эффективности, удобства и комфортности. С другой стороны, изучение взаимодействия личности и среды является наиболее актуальным научным подходом в психологии. Поскольку перед психологией сегодня стоит задача гораздо более обширная, чем изучение личности и ее особенностей, именно подход к изучению личности через взаимодействие со средой является наиболее продуктивным, поскольку позволяет избегать ситуации научного познания, в которой человек является одновременно и объектом, и способом изучения самого себя. Совершенно очевидно, что личность должна изучаться как система – с учетом всех особенностей, в том числе и взаимодействия со средой. Также понятно, что изучать систему, не выходя за ее пределы, достаточно сложно. Именно поэтому подход к изучению личности через взаимодействие со средой является сегодня наиболее передовым и перспективным с точки зрения научного изыскания. Он позволяет нам рассматривать среду, в которой существует личность, как некую более обширную систему, в которую личность включена. Как следствие, это дает нам возможность изучать личность как систему, находясь за ее пределами, но в системе более обширной и непосредственно с личностью связанной.

Изучению взаимодействия личности и среды уже уделяется достаточно много внимания со стороны психологов-исследователей, таких как Г.О. Абдикерова [2], А.В. Григорьев и М.В. Григорьева [3], Н.И. Сарджвеладзе [4], Е.С. Соколова [5], Р.М. Шамионов [6] и др. Исходя из различных методологических оснований, исследователи рассматривают разные понятия, связанные с взаимодействием личности и среды. Понятно, что если мы говорим о взаимодействии, то изучать нужно не только личность с ее характеристиками и готовностью к участию во взаимодействии, но и ту среду, с которой оно будет происходить. Именно это ориентирует многих исследователей на изучение свойств социальной системы и всех особенностей процесса взаимодействия личности и социальной системы, например Р. Акоффа и Дж. Гараедаги [7], Н.В. Мысина [8], В.А. Толочка [9].

Особенно интересна такая форма социального взаимодействия личности и среды, как социальная активность. Мы считаем, что именно социальная активность является формой социального взаимодействия, при которой личность способна в наибольшей степени реализовать свой потенциал через социальные преобразования в соответствии с направлением социального развития. Социальная активность изучалась различными психологами-исследователями с разных точек зрения и подходов. Так, в работах Е.С. Соколовой представлена классификация видов, форм и характеристик социальной активности, а также ее детерминанты [10]. С точки зрения субъективного благополучия личности социальная активность изучалась Е.Е. Бочаровой и Л.Е. Тарасовой [11]. И.И. Щемелева подробно рассматривает технологии управления социальной активностью [12]. Исследование рисков, потенциала и характеристик социальной активности представлено в работе Р.М. Шамионова [13].

В нашем понимании социальная активность – это акт инициативного воздействия личности как части социального окружения на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп рассматривается не только как участие в общественной жизни, но и как инициативное отношение к социальной среде, как возможность ее изменения, которое, безусловно, приведет и к изменениям самой личности или группы. Понятие социальной активности имеет смысл изучать с разных точек зрения, обращаясь к разным характеристикам и механизмам – только так мы сможем получить наиболее полную картину проявления социальной активности. Необходимо изучать потребностно-мотивационную сферу личности и мотивационные механизмы, предшествующие акту социальной активности и подкрепляющие его. Нужно понять, каковы детерминанты социальной активности личности, каким образом в них связаны внутренние устойчивые личностные характеристики и оценка ситуативных внешних факторов.

Исходя из принципов детерминизма, сформулированных С.Л. Рубинштейном [14, с. 307], факторы, влияющие на социальную активность, можно разделить на две большие подгруппы в соответствии с направлением влияния на личность: на ситуативные внешние и мировоззренческие внутренние факторы. Ситуативными факторами в рамках данной работы мы называем не объективные внешние факторы, а субъективную оценку восприятия определенных характеристик ситуации, которые относятся к оценке социальной ситуации по внешним показателям. Мировоззренческие факторы социальной активности мы относим к внутренним факторам, которые основываются на базовых убеждениях личности. Выделяя две группы факторов, мы можем проанализировать их взаимосвязь с показателями социальной активности.

Молодежь – наиболее мобильная и динамичная социальная группа. Ее изучение не только позволяет оценить современное состояние проблемы у одной из наиболее активных социальных групп, но и дает возможность построить определенные прогнозы на перспективу.

В рамках этой статьи рассмотрим взаимосвязь ситуативных и мировоззренческих факторов на примере конкретного вида социальной активности молодежи – социально-политической. Этому есть несколько причин. Во-первых, для практической значимости работы полезно использовать именно этот вид активности, поскольку очевидно, что с развитием социально-политических отношений в нашей стране запрос на социально-политическую активность значительно вырос и продолжает неуклонно повышаться. Особенно у молодежи, которая до недавнего времени считалась достаточно пассивной в данном отношении. Во-вторых, анализируя итоги исследования и проводя интерпретацию, выяснилось, что именно в этом виде социальной активности из всех рассмотренных было определено наибольшее количество значимых корреляционных значений. Резюмируя, мы можем сказать, что изучение этого вида социальной активности отвечает как научным, так и практическим интересам исследования.

Исследование строилось следующим образом. Сначала была разработана анкета для сбора социально-демографических данных респондентов, затем была разработана анкета, включающая шкалы по оценке уровня участия респондента в каждом из двенадцати видов социальной активности (альтруистическая, досуговая, социально-политическая, интернет-сетевая, гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая, духовная, религиозная, протестная, радикально-протестная, субкультурная). Затем на основе контент-анализа беседы с респондентами

были сформулированы семь основных характеристик ситуации социальной активности, а именно: определенность, формальность, понятность для дальнейшего поведения, стабильность, организованность, уровень влияния окружающих, позитивность. Все респонденты должны были оценить ситуацию социальной активности каждого из двенадцати видов по каждому из семи предложенных факторов ситуации. Важно заметить, что в процессе опроса респондентам раскрывалось общее значение каждой внешней характеристики, что помогло достичь общей для респондентов интерпретации и снизить субъективность в оценке. Для измерения мировоззренческих факторов использовалась «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации О. Кравцовой. Применялась интерпретация, в которой выделяют восемь базовых убеждений: вера в благосклонность мира, вера в доброту людей, вера в справедливость мира, вера в контролируемость мира, вера в случайность как принцип распределения происходящих событий, вера в ценность собственного «я», степень самоконтроля и степень удачи и везения. В итоге мы получили социально-демографические данные респондента, степень его участия в различных видах социальной активности, оценку ситуативных и мировоззренческих факторов, основанных на внешних характеристиках ситуации и личных убеждениях соответственно. Мы предположили, что между различными ситуативными и мировоззренческими факторами существует связь. Также она возможна между уровнем проявления социальной активности и каждой группой факторов в отдельности.

Далее подготовленный материал был предоставлен респондентам в возрасте от 15 до 24 лет с разными социальными статусами: школьник, студент, молодой специалист из различных учебных учреждений – средней школы и двух вузов, обучающихся студентов по разным направлениям, а именно психолого-педагогическому и техническому. Общая выборка респондентов составила 192 человека.

В ходе анализа и интерпретации итогов исследования мы получили следующие данные. Значимо связаны с проявлением социально-политической активности из восьми предложенных показателей в группе мировоззренческих факторов только два: «доброта людей» ($r = 0,185$; $p < 0,01$) и «справедливость мира» ($r = 0,152$; $p < 0,05$). Следовательно, можно предположить, что молодежь более активно проявляет социально-политическую активность, если убеждена в том, что люди как агенты социального взаимодействия добры, т. е. позитивно настроены к личности и ее активности. Поскольку именно социальные агенты внутри ситуации социальной активности отражают ее общее настроение и являются ее активными субъектами, связанными с общим настроением и оценкой ситуации социально-политической активности, на основе которой и может приниматься решение об уровне участия в данном виде социальной активности. Также понятно, что чем больше молодые люди убеждены в том, что мир – это поле, на котором развивается социальная активность, и он организован наиболее справедливым образом, тем больше они стремятся проявить социально-политическую активность. Это можно объяснить тем, что личность, убежденная в том, что результат активности в случае ее проявления будет справедливым как относительно социальной системы, внутри которой эту активность проявили, так и для самой личности, готова в большей мере проявлять социально-политическую активность.

В группе ситуативных факторов все показатели оказались в той или иной мере значимо связаны с проявлением социально-политической активности (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции выраженности социально-политической активности молодежи и показателей ситуации

Показатель	Коэффициент корреляции
Определенность	0,182 *
Формальность	0,152 **
Понятность для дальнейшего поведения	0,225 *
Стабильность	0,222 *
Организованность	0,195 *
Уровень влияния окружающих	0,142 **
Позитивность	0,324 *

Уровень значимости: * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$.

Таким образом, становится понятно, что все выделенные ранее ситуативные факторы значимо связаны с проявлением социально-политической активности. Поэтому наиболее интересными являются корреляционные связи значимых мировоззренческих и ситуативных факторов, поскольку они дают нам возможность выявить, какие ситуативные факторы могут привести к повышению уровня оценки значимых мировоззренческих факторов, которые, в свою очередь, значимо связаны с проявлением социально-политической активности молодыми людьми.

Наиболее значимое корреляционное значение, отражающее прямую значимую связь, определено между мировоззренческим фактором «вера в справедливость мира» и ситуативным

фактором «стабильность» ($r = 0,1817$; $p < 0,01$). Можно предположить, что если ситуация социально-политической активности стабильна, т. е. развивается по заранее предполагаемому сценарию и не имеет резких неожиданных изменений, то личности свойственно воспринимать такую ситуацию как справедливую. Также личности, убежденной в справедливой организации мира как социальной среды, в которой разворачивается социально-политическая активность, свойственно рассматривать ситуацию такой активности как стабильную, поскольку все изменения, происходящие внутри нее и нарушающие ее стабильное развитие, оцениваются как справедливые изменения, свойственные данной ситуации. Это объясняется тем, что личность оценивает социальное поле, на котором разворачивается ситуация, как организованное наиболее справедливым образом, следовательно, и все явления внутри такого социального поля тоже имеют наиболее справедливую организацию, а изменения, нарушающие стабильность ситуации, воспринимаются как справедливые изменения стабильно развивающейся ситуации. Это и может повышать оценку стабильности ситуации социально-политической активности.

Также выявлена прямая значимая связь между мировоззренческим фактором «вера в доброту людей» и ситуативным фактором «позитивность» ($r = 0,1587$; $p < 0,05$). Ранее мы заметили, что чем больше личность верит в то, что окружающие ее люди как агенты социального взаимодействия добры, тем в большей степени ситуация социально-политической активности оценивается как позитивная. Логично, что личность, убежденная в том, что агенты социального взаимодействия настроены наиболее позитивным образом, оценивает социальную ситуацию, в которой они принимают участие, как более позитивную. Также прямая значимая связь выявлена между личностным фактором «вера в справедливость мира» и ситуативными факторами «организованность» и «позитивность» ($r = 0,1543$; $p < 0,05$ и $r = 0,1408$; $p < 0,05$ соответственно). Это указывает нам на то, что личность, убежденная в справедливой организации мира как социальной системы, в которой разворачивается акт социально-политической активности, в большей степени оценивает ситуацию социально-политической активности как высокоорганизованную и позитивную. Вероятно, это объясняется тем, что личность, убежденная в том, что ситуация максимально справедлива, может оценивать ее итог и развитие как наиболее позитивные из возможных, а ее организованность как наиболее высокую, что может представляться одним из основных факторов, влияющих на справедливость. Поскольку низкоорганизованная ситуация вряд ли может восприниматься как справедливая в силу отсутствия организованных инструментов мониторинга и контроля.

Таким образом, мы можем резюмировать, что молодежь в большей степени проявляет социально-политическую активность, если убеждена в том, что люди, участвующие и связанные с проявлением социально-политической активности, добры и позитивно настроены по отношению как к субъекту, так и в целом к акту социально-политической активности. Также молодежь в большей степени проявляет социально-политическую активность, если убеждена в том, что поле социальной активности и сама ситуация социальной активности организованы наиболее справедливым образом.

Кроме того, удалось установить, что между выделенными ранее ситуативными факторами (определенность, формальность, понятность для дальнейшего поведения, стабильность, организованность, уровень влияния окружающих, позитивность) и уровнем проявления социальной активности существует взаимосвязь. Значимыми с точки зрения взаимосвязи мировоззренческих и ситуативных факторов являются стабильность, организованность и позитивность, поскольку именно эти ситуативные факторы имеют взаимосвязь с мировоззренческими факторами, которые наиболее значимо связаны с проявлением социально-политической активности. Важно отметить, что эти взаимосвязи справедливы только для ситуации социально-политической активности молодежи. Наше исследование показывает, что в иных видах социальной активности будут иметь место иные важные взаимосвязи. Следовательно, мы также можем утверждать, что сам вид социальной активности, его оценка и восприятие связаны с оценкой ситуативных и мировоззренческих факторов.

Ссылки и примечания:

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).
2. Абдикерова Г.О. Социальная активность в контексте формирования гражданского общества. Алматы, 2006. С. 127–129.
3. Григорьев А.В. Мотивация социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 3. С. 66–68 ; Григорьева М.В., Григорьев А.В. Социально-психологическая адаптация молодежи в зависимости от видов социальной активности // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 6. С. 234–240.
4. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси, 1989. 206 с.
5. Соколова Е.С. Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197–202.
6. Шамянов Р.М. Социальная активность личности и риски // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2012. № 3. С. 3–7.
7. Ackoff R.L., Gharajedaghi J. Reflection on Systems and Their Models // Systems Research. 1996. Vol. 13, iss. 1. P. 13–23. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1735\(199603\)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1735(199603)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O).

8. Мысин Н.В. Теория и история социального управления. Опыт России и зарубежных стран. СПб., 2000. 495 с.
9. Толочек В.А. Адаптация субъекта к социальной среде: парадоксы, парадигмы, психологические механизмы // Мир психологии. 2006. № 3 (47). С. 131–146.
10. Соколова Е.С. Указ. соч.
11. Бочарова Е.Е., Тарасова Л.Е. Субъективное благополучие и социальная активность личности в различных социокультурных условиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 8 (16).
12. Щемелева И.И. Социальные технологии управления социальной активностью студенческой молодежи // Вопросы управления. 2016. № 4 (22). С. 86–92.
13. Шамионов Р.М. Указ. соч.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957. 330 с.

References:

- Abdikeroва, GO 2006, *Social Engagement in the Context of the Establishment of the Civil Society*, Almaty, pp. 127-129, (in Russian).
- Ackoff, RL & Gharajedaghi, J 1996, 'Reflection on Systems and Their Models', *Systems Research*, vol. 13, iss. 1, pp. 13–23. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1099-1735\(199603\)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/(SICI)1099-1735(199603)13:1<13::AID-SRES66>3.0.CO;2-O).
- Bocharova, EE & Tarasova, LE 2012, 'The Subjective Well-Being and the Social Engagement of the Personality in Various Social and Cultural Contexts', *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal)*, no. 8 (16), (in Russian).
- Grigoryev, AV 2012, 'Motivation of the Social Engagement of the Youth', *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, no. 3, pp. 66-68, (in Russian).
- Grigoryeva, MV & Grigoryev, AV 2012, 'Social and Psychological Adaptation of Young People Depending on the Types of Social Engagement', *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 6, pp. 234-240, (in Russian).
- Mysin, NV 2000, *Theory and History of Social Management. Russian and International Practices*, St. Petersburg, 495 p., (in Russian).
- Rubinstein, SL 1957, *Being and Consciousness*, Moscow, 330 p., (in Russian).
- Sardzhveladze, NI 1989, *Personality and Its Interaction with the Social Environment*, Tbilisi, 206 p., (in Russian).
- Schemeleva, II 2016, 'Social Management Technology of the Student's Social Engagement', *Voprosy upravleniya*, no. 4 (22), pp. 86-92, (in Russian).
- Shamionov, RM 2012, 'Social Involvement of the Personality and Risks', *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, no. 3, pp. 3-7, (in Russian).
- Sokolova, ES 2011, 'Social Involvement of the Modern Russian Youth', *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 1, pp. 197-202, (in Russian).
- Tolochek, VA 2006, 'Adaptation of the Actor to the Social Environment: Paradoxes, Paradigms, Psychological Mechanisms', *Mir psikhologii*, no. 3 (47), pp. 131-146, (in Russian).